

Ирина
Щеглова

УЖ **замуж** **невтерпез**

Серия "Психология любви" сочетает в себе достоинства

Ирина Щеглова

Уж замуж невтерпёж

«Автор»

2012

Щеглова И. В.

Уж замуж невтерпёж / И. В. Щеглова — «Автор», 2012

ISBN 978-5-699-60572-9

Представьте себе картину: по городу едет свадебный лимузин, а из люка в крыше, размахивая букетом, торчит уже сильно беременная невеста. Как положено, в белом платье, с длинной, летящей по ветру фатой. Феерическое зрелище, не так ли?.. Однако если женщина поставила себе целью отметить свадьбу по-настоящему торжественно и пышно, ей не мешает даже стадо носорогов. Настя праздновала самый счастливый день в своей жизни уже в третий раз, но отнюдь не с меньшим размахом и энтузиазмом, чем раньше. Глядя на счастливую невесту и немного подавленного, закованного в костюм, как в броню, жениха, Сергей, журналист и психолог, задумался о свадьбах. Что это вообще за привычка – жениться и выходить замуж?..

ISBN 978-5-699-60572-9

© Щеглова И. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Свадьба пела и плясала!	5
Что накопила моя жена о русских свадебных обрядах исключительно для подготовки сценария первой свадьбы Насти Юрьевой	8
У вас – товар, у нас – купец!	8
Рядная запись, или брачный договор по-русски	11
Настя Юрьева	13
Одинокий Ворон	20
И еще одна история с предложением руки и сердца...	22
Печеглядни и дворосмотрины, или Смотрины жениха	25
С женихом разобрались. Теперь о невесте	27
Царская невеста	28
Всепобеждающая страсть! Или еще один способ заставить девушку выйти за тебя замуж. (Повторять не рекомендую!)	29
Сговор, обручение и запой	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирина Щеглова

Уж замуж невтерпёж

Свадьба пела и плясала!

- Настя замуж выходит, – озабоченно сообщила жена.
- М-м? Кто?
- Настя...
- Какая Настя?
- Сережа! – Аня повысила голос. – Юрьева! Настя!
- Опять?! – насмешливо переспросил я, отрываясь от журнала.
- Ну... – жена пожала плечами и вздохнула, – вот, только что пригласила на свадьбу...
- Я закрылся журналом и только потом ответил:
- Не пойду...

* * *

Когда меня приглашают на свадьбу, я испытываю оторопь. Да-да, натуральную оторопь. Лицо у меня при этом становится эдакое, кисло-вытянутое, перед приглашающим неудобно, честное слово, но поделаться с собой я ничего не могу. И не потому, что я противник бракосочетания, нет. Сам по себе обряд значит только то, что значит. Он и она становятся парой, семьей, а не просто так, после дискотеки решили потрахаться... «испытать чувства» и т. д. Хотя многие со мной не согласятся, я все-таки останусь при своем мнении.

Тем более что на первых двух свадьбах Насти Юрьевой я уже присутствовал, и повторять сей эксперимент в третий раз у меня не было ни малейшего желания.

У меня, знаете ли, детская психологическая травма, можно сказать, на свадебной почве. Было мне лет восемь или десять, отправили меня родители к каким-то бабушкам в деревню, чтоб, значит, свежий воздух, травка, витамины и все прочее по списку. Н-да... Еще помню, картошка была, жаренная в сметане, есть ее невозможно, но все почему-то хвалили, а я был мальчиком вежливым, и мама меня учила есть все, что дают, и благодарить. Я давился картошкой, истекающей жиром, хлебал, закрыв глаза, горлом, чтоб не чувствовать вкуса, крошку на настоящем деревенском квасе. О, этот квас! Киснувший в трехлитровых банках! А цельное молоко, прямо из-под коровки, я пить так и не научился, я его проглатывал, конечно, а потом бежал в кусты... Одним словом, мне было очень весело.

Что еще: неистребимый запах навоза, грязь, мухи, вечно пьяные мужики, горластые тетки, пыль и четырнадцатилетняя соседка, в которую я сразу же влюбился. Не будь ее, моя жизнь стала бы абсолютно невыносимой. А так я регулярно ходил на почту, звонил домой и на мамины вопросы неизменно бодро отвечал: «Да, мам, нормально все... ага, помогаю на огороде... нет, не ругают... домой пока не хочу».

Я не был ни маменькиным сыночком, ни неженкой. Не хуже деревенских гонял на велике, умел плавать, и если удирал на речку с пацанами, то возвращался в бабкин дом в глубоких сумерках. Особого внимания на меня никто не обращал, разве только соседка Валя, чей образ поселился в моем сердце. Я даже курить пробовал, чтоб казаться ей взрослее, но Валя отругала меня, дала подзатыльник и сказала: «Если еще раз увижу, прогоню и больше никогда не стану с тобой дружить!» Ах, каким сладким показался тот подзатыльник!

У Вали была старшая сестра Света, лет девятнадцати, наверное, девица крупная, загорелая и существующая в своем, взрослом, мире. На глаза мне она почти не попадалась. Так, мель-

кала иногда, проходила мимо, не замечая нас, мелюзгу, сидящих на крыльце ее дома. Светка вальяжно шествовала к воротам, и под выпцветшим ситцевым подолом ее сарафана мерно двигались упругие крупные ягодицы. За воротами ее поджидали парни на мотоциклах. Один из них был «ее». Так нам Валя объяснила. Этот парень в дом никогда не заходил. Приезжал, уезжал, увозил, привозил.

А потом что-то неуловимо изменилось. Валя стала очень суетливой, все бегала, торопилась, озабоченная такая. И мать ее бегала с таким же озабоченным видом, даже папаша как-то притих и казался не таким удручающе пьяным.

Вскоре я узнал, что у соседей готовится свадьба, потому что «Светка чижилая». Как готовилась свадьба: первым делом, конечно, гнали самогон, и к всепоглощающему навозному добавился сивушно-приторный запах, витавший над летней кухней соседей и веселыми дымными завитушками носимый над окрестностями. Светка и ее мать то и дело уезжали «в город», иногда прихватывали с собой Валю. Возвращались усталые, нагруженные тяжеленными сумками. Валя отмахивалась от меня, а я путался у всех под ногами и страдал от отсутствия внимания.

Что мне запомнилось из самой свадьбы, так это ряженые. Когда молодых вели по улице, перед ними бежали человек пять женщин или мужчин, не разобрать, так причудливо они были разодеты и раскрашены, живописные лохмотья, немыслимые шапки, разнокалиберная обувь... Ряженые плясали, пели препохабные частушки и наливали всем встречным самогон из чайников. «Напролет, напролет, хрен летит, как самолет!..» – визгливым нестройным хором пели ряженые, им подпевали выпившие бабульки, бодро ковылявшие следом за свадебным кортежем.

Гуляли несколько дней, столы были накрыты и у жениха, и у невесты. Моя бабка принимала во всем этом весьма деятельное участие, поэтому я тоже был допущен во двор, где стояли бесконечные столы, покрытые клеенкой, из летней кухни туда-сюда бегали тетки, таскали тазики с котлетами и картошкой, гигантские формы с холодцом, шматы сала, буханки хлеба... Остро пахло квашеной капустой и огурцами. Бабка на ходу совала мне то пирожок, то кружок колбасы. На заборе висели мои друзья и глазели на происходящее с немим восторгом и искренним любопытством.

Кажется, в тот день меня окончательно просветили относительно полового вопроса. То есть коротко, ясно и конкретно на пальцах объяснили, что куда, кто и кому.

Если я чего и недопонял после частушек, то теперь у меня больше не оставалось ни иллюзий, ни белых пятен. Невеста и жених вызывали во мне стыдное отвращение. Да и вообще все люди. Принарядившиеся, еще недавно такие торжественные, чинные, благодные, они после многочисленных тостов, возлияний, обжорства превратились чуть ли не в свиней.

«Желаю моей доченьке сладкой первой ноченьки...» – громко взвизгивая, спела Светкина мамаша напоследок.

Я устал, объелся, перегрелся на солнце, был переполнен впечатлениями, так что ночью не мог уснуть, а когда проваливался в сон, то снилась мне кошмарная жуть.

И еще мне было очень жалко девочку Валю. А что, если с ней произойдет то же самое, что и с ее сестрой? Как так можно с живым человеком! О женихе я, пожалуй, вообще не думал. Он для меня был неким фантомом, как будто и не существовавшим вовсе.

Кажется, после той свадьбы меня как-то очень скоро забрали домой, то ли потому, что я заболел, то ли потому, что лето кончилось...

Потом я повзрослел, свадеб бояться перестал. Проходя мимо ЗАГСа и видя подъезжающие машины, встревоженных родственников, ошеломленных женихов и невест с невероятно глупыми от счастья лицами, я равнодушно отворачивался или, если был не один, а молодые выглядели уж очень нелепо, насмехался. Не знаю, как у кого, а в моем родном городе существовало такое устойчивое выражение: «торжественный пуск п...ды в эксплуатацию».

Городские свадьбы мало чем отличаются от деревенских. Разве что пища поделикатнее, места меньше, в том смысле, что или в квартире, или в кафе, да платье невесты с выкрутасами. Я на это посмотрелся. У меня под окнами кафешка: в будние дни люля-кебаб и караоке, по субботам – свадьба с салютом.

Но, как бы там ни было, несмотря на всю мою нелюбовь, на свадьбах мне все-таки присутствовать приходилось. Жизнь, знаете ли, заставляет. И даже шафером пришлось побыть у друга Дениса.хлопотное это дело, доложу я вам. И, что самое главное, – по нынешним временам абсолютно бессмысленное. Но я опять-таки вынужден оговориться: кто что любит.

Как оказалось, Настя обожает свадьбы, а внешне казалась вполне адекватной девушкой. Кто бы мог подумать!

Это я теперь знаю о том, что девушки равнодушны к свадьбам. Но представляют ли они, что такое русская традиционная свадьба?

Чтоб не быть голословным, я накопал немного материала. На самом деле копал не я, а моя жена. И не сегодня, а несколько лет назад, чтоб подготовиться к первой Настиной свадьбе. Да-да, даже сценарий был написан. Об этом и многом другом смотрите ниже.

От себя могу порекомендовать заглянуть в русскую классику. Наши писатели много и с удовольствием описывали свадьбы. В частности, возьмем А. Толстого и его «Петра Первого» – великолепные описания свадебных обрядов! Лажечникова «Ледяной дом» – где автор рассказывает о шуточной свадьбе, устроенной царицей Анной Иоанновной между ее карлицей Бужениновой и несчастным князем Голицыным, разжалованным в шуты за брак с католичкой.

Свадьбы описаны в стихах и прозе, почитайте Пушкина, одна поэма «Руслан и Людмила» чего стоит!

Замечательно писал о свадьбах А.П. Чехов, и о городских, и о деревенских. По-моему, ни один из наших писателей эту тему не обошел.

Но вернемся все-таки к самому обряду. Итак, с чего все начиналось...

Что накопила моя жена о русских свадебных обрядах исключительно для подготовки сценария первой свадьбы Насти Юрьевой

У вас – товар, у нас – купец!

Интересно, что сказала бы современная девушка, если бы к ее родителям явилась незнакомая тетка и стала бы расхваливать некоего «жениха», о котором невеста – ни слухом ни духом? Такую тетеньку и в дом бы не пустили, не то что разговаривать с ней. Современная девушка сама решает, с кем ей быть, жить, спать, от кого рожать детей, с кем в ЗАГС идти. По сравнению с тем же XIX веком – неслыханная свобода!

Хотя по-прежнему многие женщины любят заниматься сватовством. Не из-за корысти, а так, из любви к свадьбам вообще. Эти сердобольные тетушки встречаются почти в каждой семье, или на работе, или по соседству. Они зорко следят за незамужними и неженатыми, ежели таковые имеются в поле их зрения, и как только предоставляется возможность, начинают свою кампанию по непременному окольцовыванию задержавшихся на холостяцком положении. Как говорит мой приятель, «кому-то очень плохо, если мне хорошо...»

Недавно одна знакомая рассказывала о своем коллеге. Есть у них такой молодой человек, не умеющий принимать решения. Сначала он долго не мог познакомиться с девушкой, сердобольные коллеги (женщины, разумеется) сделали все, чтоб подыскать ему подходящую кандидатуру. Потом бедолага никак не мог решиться сделать предложение. Новоявленные свахи организовали корпоративчик, пригласили предполагаемую невесту и... сделали ей предложение! Потом нерешительный сослуживец женился, но что-то там у него не ладилось, своего жилья не было, напряги с родней... Свахи не растерялись и приняли коллективное решение – рожать!

Так, глядишь, молодой муж и детишек наплодит, и вырастит, и выучит, и замуж отдаст – поженит, не дадут пропасть семье сердобольные свахи. А вот что он будет делать на пенсии?

Ситуация узнаваемая, не так ли? Свахи-любители есть в каждом коллективе.

Но, повторяю, сам ритуал сватовства практически не сохранился, и в современной свадьбе его нет. Отпал за ненадобностью. Хотя какие-то отголоски остались. Сватовством в прямом смысле этого слова их не назовешь, но некое подобие, если можно так сказать, постфактум, или псевдосватовство, когда родители жениха и невесты встречаются после того, как дети объявили им о своем решении вступить в брак.

Современные родители просто ставятя в известность, и им ничего не остается, как смириться. Или не смириться, тут все зависит от обстоятельств.

А в прежние времена, то есть до всех наших войн и революций, родители, пожелавшие женить сына, первым делом засылали в дом невесты сваху или свата. Иногда сватами выступали родители жениха, но чаще всего посредником выступал один из наиболее уважаемых родственников, женатый, положительный мужчина среднего или пожилого возраста.

Деревенская жизнь вообще строилась сообразно с многочисленными приметами, доморощенной мудростью пращуров. Веками передавались из уст в уста всевозможные заговоры, пословицы, поговорки, правила поведения в тех или иных ситуациях. Вся жизнь была жестко регламентирована, и в ней не оставалось места своеволию.

Будь ты хоть семи пядей во лбу, будь ты богаче всех в округе, а супротив дедовых обычаев не становись!

Свадебный ритуал не исключение. Даже скорее наоборот. Это свод неукоснительно выполняемых неписаных правил. Еще бы! Кто же хочет зла своему дитятке? А ежели желаешь добра, так послушай стариков и выполняй все в точности, вот и будет тебе «щастье»...

«Не нами положено, не нам и отменять», – поговаривали деревенские старожилы. И учили несмышленных сородичей: и тому, что для всякого дела надобно свой день выбрать, удачный. Уж никак не накануне пятницы или среды, или, тьфу, тьфу, тьфу, тринадцатого числа. И не с утра, едва глаза продрамши, а ввечеру, на заходе солнца.

Хорошо бы перед выездом из дома намотать вожжи на печную трубу (чтобы удачно «опутать» невесту) или связать кушаком ножки стола (чтобы свадьба лучше «ввязалась»). А как сватушка за порог – то в спину ему старый лапоть бросить.

Вы скажете – суеверие? Посмеетесь? А в некоторых деревнях вам и сегодня скажут: «Смейтесь, смейтесь, но мы все равно сделаем, как испокон веку у нас делалось, оно вернее будет».

И делали: сват выезжал из дома жениха не через ворота, а задним двором, потом добирался до дома предполагаемой невесты огородами, чтоб никто не встретился, а то не ровен час – сглазят. В невестину избу бежал бегом, чтоб сватовство сладилось и свадьба поскорее справилась. Троекратно крестил дверь, прежде чем войти, через порог ступал непременно правой ногой, иначе все наперекосяк пойдет.

Войдя в избу, сват первым делом крестился на образа, кланялся хозяину и хозяйшке. Разговор заводил издалека, да все стоя, на ходу, чтоб ускорить процесс. Родители невесты чаще всего знали о цели визита, но тоже делали вид, будто ничего не понимают. А если уж удавалось усадить гостя, то он садился или у двери, рядом с кадкой с водой, или под несущей балкой, лицом к выходу. Тут уж больше ни у кого сомнений не оставалось.

Разумеется, переговоры велись прежде всего с отцом невесты. Поскольку последнее слово было за ним, за главой семьи. Перечить отцу никто из домочадцев не смел. Если вы помните, у Достоевского в романе «Идиот» Тоцкий сватался к старшей дочери генерала Епанчина. И, хотя генерал знал о «слабостях» Тоцкого и его репутации сластолюбца (ведь он открыто содержал Настасью Филипповну – растленную им девицу дворянского рода), несмотря на это, генерал был готов отдать за него дочь, не соображаясь ни с мнением самой дочери, ни даже с мнением жены. К счастью, свадьба расстроилась, Тоцкого соблазнила и увезла французка...

В сельской местности для переговоров о сватовстве существовал своеобразный иносказательный язык, сленг, если хотите. После рассуждений о погоде, покосе, урожае и прочих крестьянских делах сват приступал к основной теме: «Ищем телочку. Не заблудилась ли? Может, пристала к вашему дому да желает в наш перебраться?» Или говорил: «У вас – курочка, у нас – петушок. Нельзя ли их загнать в один хлевушок?» Или: «У вас – цветочек, а у нас – садовник. Нельзя ли нам этот цветочек посадить в наш садочек?» Или: «У нас – грядка, у вас – рассадка. Как бы перебраться вашей рассадке на нашу грядку?» Или: «У вас – товар, у нас – купец», «У вас – куличка, у нас – охотник» и т. п.

Свата было принято встречать с удовольствием. Его старались усадить за стол, угостить чаем или хмельным (домашней наливкой, медом или брагой – самогон появился только в XIX веке, не говоря уже о водке в современном ее представлении).

Итак, сватушка садился за стол, отец звал дочку-невесту, и та угощала гостя. Сват заодно и присматривался к девушке, искал изъяны и отмечал добродетели. Во время угощения он нахваливал жениха, рассказывал о том, какая у того семья, о достатке, красоте, силе, здоровье, молодости...

Но бывало, что жених родителям, а главное, отцу невесты, совсем не нравился. Тогда свата за стол не приглашали, а старались поскорее выпроводить, ссылаясь на молодость не-

сты, недостаток приданого и прочее. А ежели папаша с характером попадетсЯ, да еще и сват настырный, то и до грубости могло дойти: «Вот те Бог, а вот порог!»

Разгневанный сват в таком случае закрывал за собой дверь спиной, чтоб другому свату дорогу закрыть и помешать девушке выйти замуж.

Бывало, жених вроде бы нравился, но родителей терзали смутные сомнения. Тогда они просили время подумать и предлагали свату зайти позже. К тому же существовало поверье, что после первого свата непременно появятся еще. «Худой жених хорошему дорогу укажет». И, если время и обстоятельства позволяли (невеста была еще молоденькой), свата вежливо отсылали и выжидали, не появится ли еще кто-нибудь, желающий породниться... Побогаче аль познатнее...

А свату что, ему главное – высватать. И потому шли на разные магические уловки: мох выковыривали, которым между бревнами стены конопатили, вокруг ступы (ежели такая во дворе находилась) бегали, по ножке стола стучали, и в притолоку с косяками дверными, и в порог палкой или кнутовищем били, да что только не делали! Только бы сладилось!

А уж если договорились, тогда совсем другое дело! Тогда в дом невесты отправлялись уже другие сваты, а то и родители жениха с ними. Бывало, что и самого жениха прихватывали.

Сватов ждали. Готовились. Зажигали лампы и свечи, накрывали стол.

Потому что наступала очень важная часть переговоров – меркантильная, так сказать. А именно: составлялся брачный договор. На Руси он назывался «рядная запись». У крестьян договор был устным, на веру. Те, кто побогаче, приглашали подьячего, и тот составлял настоящий юридический документ. А, как известно, «что написано пером, не вырубишь топором».

Нынче все приходится делать самому. Мой хороший приятель несколько лет назад сбежал из столицы на Алтай. Устроился на работу в лесничество и всю зиму жил на кордоне. Людей почти не видел. Одичал.

А летом отправился он на озера, там тоже жил одинокий беглец от цивилизации. Но тот все-таки с людьми общался, туристов сопровождал на конных маршрутах в качестве инструктора.

И вот мой одичалый приятель спустился с гор и направился в гости к инструктору. А у того как раз группа: студенты, а точнее, молоденькие студенточки из города.

Приятель как увидел одну из них, так сразу и влюбился без памяти. Влюбиться-то он влюбился, а как ухаживать за девушками – забыл! Ну просто начисто из головы выветрилось. Пробыл он с туристами и инструктором несколько дней, травил бесконечные охотничьи байки, рассказывал о своем житье-бытье, и все ему казалось, что он скучный, серый, неинтересный, а девушка такая юная, такая красивая, нежная, даже дышать на нее страшно.

Группа отправилась в поход. А безутешный влюбленный – к себе на кордон. Но, прибыв на место, он не смог усидеть там и одного дня. Была у него корова, да-да, а как вы хотели, без хозяйства в тех местах не прожить! Так вот, он эту свою кормилицу немедленно продал кому-то из местных жителей, а сам понесся обратно, надеясь еще застать возлюбленную. По дороге заскочил на базар, чтоб купить девушке подарок, деньги-то у него после коровы были. Только что купить? Бедный мужик, он совершенно растерялся, бродил по крохотному местному рынку и не знал, на чем остановиться. Вдруг увидел меховую шапку, огромную такую, богатую. Приценился и отвалил все деньги, вырученные за корову. С этой шапкой он и отправился на поиски девушки.

Нашел на маршруте. И так удачно у него все получилось. У его избранницы как раз день рождения был, вот он ей и преподнес шапку.

Шапку она никогда не носила, но замуж за него вышла и сына ему родила.

Рядная запись, или брачный договор по-русски

Если обряд сватовства как такового остался в прошлом, то брачный договор сегодня приобретает прежнюю актуальность. Я имею в виду Россию, поскольку в Европе, обеих Америках, не говоря уже об Азии, брачный договор – неотъемлемая часть бракосочетания. Особенно в случае, когда у молодоженов изначально имеется имущество, с которым они вступают в брак. Любовь – любовью, однако денежки любят счет... люди предпочитают подстраховаться.

Во многих странах брачные договоры существовали и существуют по сей день. У нас этот обычай был забыт на несколько десятилетий. А теперь снова возрождается. Правда, пока это довольно редкое явление, распространяющееся только на имущественные браки. В остальных случаях обычно договариваются родители, кто сколько вносит на свадьбу, кто за что отвечает, сколько приглашенных с каждой стороны, кто и сколько станет давать молодоженам, где они будут жить и т. д.

А вот как составлялся брачный договор до 1917 года.

В рядной записи оговаривался довольно широкий круг вопросов, имеющих непосредственное отношение к предстоящему браку:

дата свадьбы;

количество гостей с обеих сторон;

полная сумма свадебных расходов;

размер и состав приданого невесты;

величина и сроки выплаты «выводных денег» – суммы, которую должны заплатить родители жениха на покупку нарядов невесты;

размер денежной помощи молодым от родителей (если новобрачные собирались жить отдельной семьей);

величина надела земли, которую передавали родители жениха и невесты по дарственной записи.

Иногда оговаривался даже объем работ молодой жены в доме мужа в первый год совместной жизни.

Такой договор, составленный по всем правилам, разорвать было довольно накладно. Сторона, по инициативе которой происходил разрыв, выплачивала неустойку, ее размер был весьма значительный, поэтому браки расстраивались очень редко. Если разрыв случался по инициативе семьи жениха, родные невесты старались держать все в тайне и отрицать сговор, чтоб не опозорить невесту и не отвадить других женихов. Вообще, в такой ситуации дело могло дойти и до суда.

Что же касается приданого невесты, то здесь следует отметить, что приданое всегда было важным условием традиционной русской свадьбы. Оно не входило в общий котел и было личной собственностью молодой жены, дававшей ей имущественную независимость. Богатое приданое обеспечивало хорошее положение в доме мужа. В случае смерти молодой жены ее приданое отходило по наследству детям или, если не было детей, возвращалось родителям. Именно поэтому приданое начинали готовить с самого рождения девочки. На Руси приданое состояло из постели, домашней утвари, украшений, платьев и денег, а также недвижимости (если невеста происходила из дворянской семьи).

Когда все вопросы бывали успешно улажены и все условности соблюдены, сватовство благополучно завершалось. Невеста дарила жениху «залог», обычно платок. Этот подарок имел уже юридическую силу.

Свату подавали краюшку хлеба в платке или рушнике, и он нес ее в правой руке, возвещая односельчанам об успешном завершении сватовства. Такому свату – почет и уважение, в следующий раз опять позовут, ведь он везучий.

Сватовство, естественно, обмывали. Ели, пили, веселились. Девушки воровали из саней жениха сено или привязывали к лошади веник, что дорогу разметал и к подружкам женихов привел.

После сватовства назначался день осмотра хозяйства жениха и смотрины невесты. Об этом мы тоже поговорим. А сейчас я хочу устроить смотрины нашей невесте – Насте Юрьевой.

Настя Юрьева

Ко времени описываемых событий мы с женой уже перебрались в Москву. После окончания универа я пару лет побегал во внештатных корреспондентах одного общественно-политического издания, набрался кое-какого опыта и получил предложение поработать в столице. Сначала один уехал, квартиру снял, огляделся, потом Аня переехала ко мне. У нее был небольшой преподавательский стаж, так что она опять пошла в школу и получила там какие-то часы.

Особого дискомфорта ни она, ни я не испытывали. У нас было много друзей в Москве, у жены – близкая родня. А я и раньше большую часть времени проводил в командировках в столице.

В нашей жизни мало что изменилось. И в родном городе мы тоже снимали квартиру, потому что ни Аня, ни я категорически не хотели жить с родителями.

Что изменилось? В нашей жизни появились новые люди, новые друзья. Настя Юрьева была одной из первых.

За глаза ее называли ядерным взрывом, термоядерной катастрофой, тайфуном в юбке... Хотя, по-моему, она предпочитала штаны, и лучше мужские. Во всяком случае, когда мы познакомились, Нюся щеголяла в мужских семейных трусах в цветочек и в мужской же, изрезанной в лоскуты майке. Именно такой я ее и увидел.

Познакомились мы лет десять назад благодаря моему приятелю Сане Локтеву и Борзовке (Барзовке или Варзовке), есть такое место на Азовском море, если кто не знает, там народ устраивает фестивали бардовской песни.

У нас подобралась компания, нашлись общие знакомые, и незадолго до отъезда Саня привел и отрекомендовал весьма странную девицу, одетую в мужские семейные трусы и майку. Да, что еще запомнилось, у Насти были такие ненатурально черные волосы, обычно женщины пытаются стать блондинками, а Настя, наоборот, будучи блондинкой, выкрасилась в брюнетку, получилось у нее не очень ровно, да и корни уже отросли.

С ней был парень лет восемнадцати, ничем особо не примечательный, во всяком случае, женских трусов не носил.

Жена взглянула на Настю и даже бровью не повела, как будто так и надо. Я пожал плечами, подумаешь... видали мы и покруче. Но, как выяснилось впоследствии, Настя оказалась вполне адекватной девушкой, с некоторыми закидонами, но у кого их нет? Она окончила педагогический и училась в аспирантуре.

Парня, которого она притащила с собой, звали Егором. Кто они друг другу, мы как-то не выясняли. Когда немного познакомились, Настя со смехом рассказала, как она должна была поехать вожатой в лагерь, но опоздала на поезд, и вот он, Егор, тоже опоздал.

– Стою такая, головой кручу, – давилась от смеха Настя, – поезд тютю, на платформе никого... Смотрю, бежит кто-то, – она кивнула на Егора, – тоже с рюкзаком. Остановился, руками развел и уставился на рельсы. Подошла, спросила, оказалось, тоже из наших, из педа. Короче, дети без нас уехали.

– Одни?! – испугалась моя жена.

– Нет, не одни, конечно, – успокоила Настя. – Сопровождающих много.

– И как же вы потом? – волновалась жена.

– Как-как... взяли билеты на следующий поезд...

Пока она рассказывала, Егор или поддакивал, или смущенно улыбался и молчал. Я так понял, что с тех пор они не расставались. Настя, помнится, похвалила Егора за починку кранов и розеток. «Приятно, пришел мужик и все сделал...» Егор опять краснел, но чувствовалось, что ему приятно. Опять-таки, какое мне дело до их отношений? Главное, чтоб люди были хорошие.

В итоге собралось нас человек двадцать, вполне достаточно, чтоб организовать свой лагерь и ни от кого не зависеть. Народ все творческий: поэты, музыканты. Витя Воронеж, называвший себя не иначе как Ворон, самобытный поэт, бард; Саня Локтев – в свое время они с Настей в одной группе учились; Инна Каховская – музыкант и дирижер, она и сейчас у себя в городе всей культурой заведует. Игорь Очередников – уникальный гитарист, в те времена еще студент консерватории; только окончивший семинарию будущий отец Николай и его жена, вырвались на недельку... Телевизионщики – муж и жена Леша с Таней, Федор с Ольгой – мы тогда же и познакомились с ними. Чуть позднее еще народ подтянулся.

Все люди хожалые. Я к своим тогдашним двадцати пяти годам почти всю страну стопом прошел. Настя и Егор не могли похвалиться тем же, но проявили себя замечательно. И в плацкартном вагоне запросто прокатились в жаре и миазмах, выпускаемых единственным исправным туалетом. Кушали пластиковые супчики и лапшу, Настя посмеивалась, мол, ей не привыкать, студенты еще и не тем питаются. А еще она забойно играла на гитаре, пела хрипловатым сорванным голосом, делала все, о чем просили, не выкаблучивалась, не капризничала, безропотно тащила тяжелый рюкзак. Одним словом, очень скоро она полностью влилась в нашу компанию, как будто мы тысячу лет были знакомы. Егор сначала тоже вел себя вполне достойно. Пожалуй, до тех пор, пока мы не прибыли на место.

С местом стоянки нам повезло. Наша поляна оказалась окруженной кустарником, что создавало некий уют и обособленность. И с соседями повезло, мы быстро сдружились. Вообще, все как-то споро и правильно организовывалось. Распределили дежурства, кому когда готовить. Доставка воды, дров и прочие бытовые вопросы решались без проблем. Вечером был концерт, мы всей толпой ходили слушать бардов, потом по-быстрому сообразили ужин, одним словом, первый день прошел безупречно. Спали мало, утром солнце припекло, в палатках духотища, а на улице пекло. Море не спасало. Соорудили тент, чтоб было хоть немного тени. От жары и безделья все мы ословели, и только Настя оставалась бодрячком.

– Давайте в мафию поиграем! – предложила. Кто-то сразу согласился, а кто-то отказался, но Настя сумела так всех завести, что вскоре даже самые квелье подключились и играли довольно азартно. Потом мы рисовали друг друга, кто как умел, а Настя, собрав рисунки, с умным видом рассказала нам, как мы на самом деле друг друга воспринимаем. Получилось неожиданно и довольно забавно.

Вечером она устроила нам исповедь. Как в детских лагерях – мы передавали свечку по кругу, и каждый рассказывал немного о себе, а остальные могли задавать вопросы.

Так у нас и повелось. Утром Настя устроила общую зарядку, даже не зарядку, а некий упрощенный тренинг. Днем мы писали стихи, рисовали, сочиняли шуточные диссертации. Ставили сценки. У нас появились зрители, каждый вечер к нашему костру приходили разные люди, слушали, рассказывали о себе, пели...

Дня через три Настя стала негласным лидером нашего лагеря. Эдакой заводилой. Энергии в ней было – через край. Она постоянно что-то затеивала, находила единомышленников, организовывала их, и все вместе они осуществляли задуманное. Идеи у Насти возникали спонтанно, она ими буквально фонтанировала. Вскоре мы облазили все окрестные развалины, подчинившись ее желанию, брали у соседей лодку и плавали вдоль побережья – «вдруг там что-нибудь интересное». А когда ничего интересного не оказалось, Настя прямо на ходу придумала какую-то невероятно веселую игру в пиратов. Мы чуть не перевернулись, но вернулись довольные.

Бывало, в особенно жаркие часы, когда народ вяло валялся в жидкой тени, Настя исчезала, совершала одиночные вылазки, и из каждой такой вылазки она возвращалась с горящими глазами и новыми впечатлениями. Она познакомилась с серфингистами, с художниками, с археологами. Она училась кататься на доске под парусом, ныряла с аквалангом, все время что-то делала, пропадала, искала и находила.

Если честно, мы все были немножко в нее влюблены. Невозможно было не влюбиться, в Насте всего оказалось слишком, хватало на всех. Сознательно или бессознательно, она пользовалась этим.

И все было отлично, весело, правильно, лучше и желать нечего. Кроме разве что одного: Егор что-то захандрил. Вроде обгорел. Потом выяснилось, что у него горло болит. Ну, болит и болит. Особенно никто внимания не обратил, кроме моей жены. Она почему-то взялась опекать болящего, мазала его кремом, заставляла полоскать горло, носила в палатку еду.

– Что, неужели он не в состоянии доползти до костра и поесть? – поморщился я, наблюдая, как Аня накладывает в его миску гречневую кашу. Она взглянула на меня как будто даже с вызовом.

– Ты не понимаешь... – сказала и понесла кашу в Егорову палатку.

И что я должен был понять?

Она же ничего не объяснила, а мы, мужчины, извините, намеков не воспринимаем. Если надо что-то сказать, так вы скажите, только без выкрутасов и обвиняющих взглядов. Так, мол, и так... а то знаете ли, проснулся я как-то пораньше, на рассвете, вылез из палатки и спотыкаясь побрел до ветру, так сказать. Тут я их и увидел: Настя и Ворон спали обнявшись у потухшего кострища, укрытые одним спальником. Наш бард Витька Ворон, мечта всех экзальтированных девиц от четырнадцати и старше, не устоял перед Настиными чарами. Накануне вечером он исполнил у костра песню, посвященную Насте, «Ты мое лесное облачко...». Очень трогательно, я оценил. Настя, видимо, тоже.

Когда в палатку вернулся, жена меня поджидала, сна ни в одном глазу.

– Ну что, видел? – спросила нетерпеливо.

– Что?

– Не что, а кого! – поправила она меня. – Настю с Вороном видел?

– Видел... и что? – Мне хотелось спать, а не болтать о Насте и Вороне.

– Какой ты! – обиженно покачала головой Аня. – Какие вы все! Безжалостные!

– Ань, я что-то не пойму? Ты это сейчас к чему сказала?

– А к тому! – быстрым шепотом заговорила она. – Настя привезла с собой этого мальчика и бросила его, а сама с Витькой... А тот страдает!

– Кто страдает?

– Егор! – почти выкрикнула она.

– А-а... – Я шумно вздохнул, чтоб показать, как проникнулся сочувствием, и полез в спальник, доспать хотя бы часик, пока безжалостное солнце не выкатилось окончательно из-за горизонта. Я попытался уложить рядом Аню, и она даже улеглась, но вместо того, чтоб задремать, вздыхала, так натурально, можно сказать, с надрывом.

– Ань, ну что с тобой? – Я, честно говоря, рассердился.

– Сереж, надо же что-то предпринять, – с готовностью, как будто только и ждала моего вопроса, начала Аня.

– Анют, что делать? Ты о чем? Если о Насте, то тебе какое дело? Они сами разберутся.

– Но...

– Никаких «но»!

– Почему? – Она так искренне удивилась, пришлось объяснять.

– Потому. В эти отношения лучше не соваться, наживешь врагов. Ты же мне сама жаловалась, как попала под раздачу от этой парочки... как их?

– Перепелкины, – Аня вздохнула. И объяснила, оправдываясь: – Так ведь его жена уже знала обо всем, ей кто-то сказал. Я просто подтвердила.

С Перепелкиным Аня училась в вузе, парень очень рано женился, лет в двадцать, наверно, и все-таки поступил в университет на дневное отделение. Так вот, его жена жила где-то с ребенком и родителями и приезжала, как только выдавалось свободное время. А у него

общага, девочки, свобода... Одним словом, парень жил в свое удовольствие. И все обо всем знали, но молчали, чего лезть в чужие дела... Перепелкин чувствовал себя абсолютно безнаказанным и в общаге завел себе еще одну жену. Конечно, рано или поздно слухи должны были дойти до законной супруги, они и дошли. Так вышло, что моя Аня просто попала в ненужное время в ненужное место. Другая ушла бы от ответа: «ничего не знаю и знать не хочу».

– Сережа, она же меня буквально к стенке прижала, «у Владика другая, я все знаю!», – рассказывала мне жена.

– И что? Мало ли что она знает. А ты не знаешь.

Аня надулась. Перепелкины назвали ее сплетницей. Потому что Аня по глупости, или по наивности, подтвердила госпоже Перепелкиной факт, известный всему универу, что ее благоверный спит еще с одной девушкой. Аня ужасно переживала: как же так? Она никогда не разносила чужих сплетен и слухов и вообще не болтала лишнего, а тут ее несправедливо обидели, и за что? А за то: муж и жена – одна сатана. Они поругались, потом помирились и стали искать виноватых. Нашли, естественно, Аню.

Кажется, я ее убедил. И мы даже подремали еще немного. Вмешиваться Аня не стала. Но в палатку к Егору бегала, ухаживала, жалела, и наконец ей удалось выманить страдальца оттуда. Выглядел он довольно бледно. Пытался хорохориться, но заметно грустил. Настя как будто вовсе перестала его замечать, а если Егор робко обращался к ней, отворачивалась, злилась.

Мне оставалось только пожалеть парня. Влюбился не в ту девушку. А она действительно была не его девушкой, и дело даже не в разнице в возрасте, просто – не его, и все. Может, оно и к лучшему, сейчас переболеет и забудет.

Не переболел.

Точнее, Егор внешне вполне выздоровел и даже попытался доказать нам всем, что у него к Насте ничего нет. Из всех сил попытался. Я оценил. Потому что Настя на все его попытки не реагировала. Никак. Словно он перестал для нее существовать.

Уехал Егор раньше остальных.

Вскоре мы о нем и думать забыли.

Никогда не вмешивайтесь в семейные разборки – будете виноватыми.

Муж и жена – одна сатана. ©

* * *

Настя жила в маленькой однушке на окраине Москвы. Родители снимали. В связи с невозможностью совместного проживания... Не знаю, что уж там между ними произошло. Сама Настя о родителях говорила только хорошее, в гости ездила, они тоже приезжали, но общение сводилось к обмену любезностями, передаче денег и простым вопросам: «Как ты (вы)? Как дела?»

Видимо, ее энергетика, этот неконтролируемый взрыв, плохо воспринимался в обычной, бытовой повседневности. Одно дело, когда такой человек, как Настя, развлекает тебя где-нибудь на отдыхе, и совсем другое, если он живет с тобой бок о бок в обычной городской квартире.

Я это понял довольно скоро. Вернувшись домой, Настя и Виктор вроде бы попытались жить вместе. Но не продержались и месяца. Причем дело окончилось чуть ли не скандалом.

Хотя сначала все складывалось как нельзя лучше.

Тут надо добавить: у Насти в квартире постоянно тусовался народ, разновозрастный, разномастный, но однозначно все творческие люди. У нее останавливались безработные провинциальные актеры, прибывшие в столицу в надежде устроиться в какой-нибудь театр, музыканты, художники, к ней запросто забегали подростки из молодежного центра, где она подрабатывала внештатным педагогом.

Тот август не был исключением. Как только мы вернулись с моря, Саша Локтев притащил к Насте на постой «очень хороших ребят» – своих земляков, а он сам был родом из маленького районного городка. Ребята приехали на заработки. Причем с работой мы им помогли. Но целый месяц они тусовались у Насти, до тех пор пока не определились с жильем. Ребята прибыли вдвоем, плюс Витя, осевший у Насти, да сам Саша, почти прописавшийся. Как-то решили мы с Федором провести Настю. Дело было утром. Дверь почему-то оказалась открытой. Вошли... В комнате от балкона до противоположной стены спали люди. Человек шесть как минимум. Мы потоптались в прихожей, не зная, что предпринять. Один из спящих приподнял голову, спальник сполз, и мы узнали Настю.

– Ребят... – сонным голосом произнесла она, – это вы... проходите на кухню...

Мы прошли. Сели на импровизированные стулья. Мебели как таковой у Насти не было. На кухне, например, имелся потертый пуфик, вращающийся стул от фортепиано и шезлонг.

– Включите чайник! – донеслось до нас. – Я сейчас!

В ванной зашумела вода. Закипел чайник – главный атрибут Настиной кухни. Настя жила на бесконечном растворимом кофе. И своих гостей потчевала им же.

Наконец появилась и она сама, с влажными после умывания волосами, невыспавшаяся, но бодрая.

– Мы только что из Питера, – сообщила, наливая себе кипятку в большую кружку.

В ответ на наши удивленные взгляды, коротко объяснила:

– Буквально одним днем смотались. Представляете, ребята ни разу в жизни не были в Питере. Вот я и решила им показать. Здорово, да? Главное, мы стопом ходили. Очень забавно. – Она широко улыбнулась. – Правда, в Питере у нас все деньги украли. Но мы сами виноваты, уснули на скамейке в парке. Нас и обчистили. Зато потом мы пели в электричках! Санька придумал. У них с Вороном здорово получилось...

В этом была она вся. Спонтанный порыв, сиюминутное решение и немедленная реализация. Настя много читала, часто говорила очень правильные вещи и тут же пыталась проверить на себе усвоенное. Как будто примеряла чужие мысли, но то ли одежда была не по размеру, то ли Настя не верила тому, что говорила, то ли ей не хватало сил поверить...

В другой раз мы заехали вечером. Но не успели выйти из машины, как из темноты к нам шагнула Настя, в длинной юбке, тяжелых ботинках, куртке, хотя было еще довольно тепло, середина августа.

Выглядела Настя несколько смущенной, как будто мы застали ее за чем-то неприличным.

– Блин, – негромко выругалась она, – ребята, вы не поднимались еще?

– Нет, мы только подъехали, но если мы не вовремя, то...

– Нет, – она досадливо поморщилась, – наоборот. Вы, это... Скажите, что сейчас меня привезли, ладно?

– Не вопрос... А что случилось?

Настя воровато оглянулась по сторонам и ответила:

– У меня тут свидание было... Ужасно неудобно, полный дом народу, вот и приходится по кустам встречаться, как малолетка, честное слово...

– Насть, что за бред? Разгони всех.

– Что вы! Я не могу, – испугалась она, – там же Ворон, он неправильно поймет...

Я, признаюсь, тогда ничего не понял, мне жена объяснила, мол, бедной Насте приспичило потрахаться, но дома полно народу. Пришлось где-то в зарослях совокупиться по-быстрому, то бишь без всякого удовольствия. Я не поверил.

– А как же Витька? Ведь она с ним? Или нет?

Аня так тонко усмехнулась и ответила:

– С Витей у нее нет ничего. Он же ее чистой девушкой считает.

– Что?!

– Что слышал. Она измучилась совсем. Сначала ее эта роль забавляла, а теперь порядком надоела.

– И что теперь?

Жена пожалала плечами:

– Судя по всему, Ворону скоро съезжать.

Бедный романтик Ворон! Бедный поэт!

Нет, Настя не была жестокой. Просто она никогда не страдала от неразделенной любви. Все ее избранники сдавались ей без боя и разделяли все, что она предлагала разделить.

Виктор разочаровал ее довольно скоро. Он был слишком целомудренным. Не от мира сего. С таким хорошо где-нибудь на лоне природы, где можно поиграть в пасторальную пастушку и пастушка. Но в мегаполисе, где все жестко и стремительно, где всегда цейтнот, где правят суровые законы – пастушок неуместен, а пастушка смешна и беззащитна.

И все-таки Настя чувствовала себя неловко по отношению к Виктору.

То, что хорошо на лоне природы, совсем не подходит для городских джунглей.

Как говаривал мой дедушка: «Сук надо рубить по себе».

* * *

У нее с Виктором дни рождения рядом, в конце августа. Она решила организовать нечто грандиозное.

– Давайте устроим ковбойскую вечеринку, – предложила Настя и сразу же стала развивать свою идею: – Ворон никогда не пробовал текилу. И еще он мечтает о настоящих американских джинсах. Наверное, можно такие достать? Да, и еще нужна лошадь! Непременно нужна!

Собственно, ничего сложного. Текилы мы купили и все полагающееся к ней тоже. Джинсы нашли, тогда еще можно было отыскать made in USA. И даже лошадь нам подвернулась – почти как настоящая, гнедая, со всей сбруей, очень точно сделанная.

Девчонки нарядились ковбойками: короткие шортики, рубашки, завязанные под грудью, шляпы. Витя о мероприятии ничего не знал. Мы завязали ему глаза и, по знаку девчонок, втолкнули обратно в комнату. Настя с Аней стащили с Ворона штаны и хотели надеть новые, но не справились, Витя с перепугу сел на пол и одеревенел. Пришлось развязать ему глаза, чтоб сам натянул новые джинсы.

У бедного Витьки был легкий шок, он все время нервно смеялся, мотал головой и твердил: «Ну вы даете!» Его поили текилой, предварительно насыпав на руку соли и положив дольку лимона. Он послушно пил, слизывал соль, сосал лимон, морщился и кивал – «вкусно». Но потом все-таки признался – «самогонка».

– Конечно, самогонка, только кактусовая, – согласились мы.

Насте мы подарили старинное зеркало в металлической оправе с завитушками. Она в него сразу влюбилась. И все прошло бы замечательно, если бы... Стали собираться гости. Вскоре их набилась полная квартира, нас оттерли в сторону. Лично я предпочел распрощаться и уехать под предлогом того, что завтра на работу.

А через несколько дней у нас дома появился угрюмый Виктор.

Он сбросил с плеч рюкзак со всем своим скарбом и молча прошел на кухню.

А мне и не надо было ничего объяснять. «Выгнала».

* * *

– Я думала, он одинокий ворон, – вздыхала Настя, – а он оказался обычным мужиком, со всеми этими вашими претензиями, – морщась от неприятных воспоминаний, объясняла она. – Представляете, он обвинил меня в безнравственности!

– Настя, он просто хотел, чтоб ты принадлежала ему одному, – казалось, я говорил очевидные вещи, но Настя в ответ только плечами пожала.

– Я не могу кому-то принадлежать. Потому что я свободный человек, я – это я!

Да, конечно! Бедный Витя, он попытался взять под контроль то, что контролировать невозможно. Помню, как он появился у нас после нескольких месяцев отсутствия. Я, честно говоря, некоторое время опасался за его душевное здоровье. Настя вогнала его в сильнейший депрессняк.

Она обычно крутила два-три романа одновременно. Влюблялась страстно, остывала скоро. С ее жертвами я почти не общался, так, доходили слухи, или она сама о ком-то рассказывала. Почему-то запомнился один из ее тогдашних любовников – отпрыск старинной московской аристократической фамилии, как он сам о себе отзывался – «князь недобитый». Этот «князь» во время альковных утех имел обыкновение подчеркивать плебейское происхождение Насти, рассказывая анекдоты о крестьянках, осчастливленных своими барами.

Кстати, я имел счастье быть представленным пред светлы очи «князя». Еще одна безумная идея Насти: собрать всех и устроить новогодний карнавал. Странный, доложу я вам, получился праздник. В однокомнатную квартиру снова набилось человек двадцать или больше, я не считал. Некоторых я не знал вовсе, кого-то знал понаслышке или видел мельком у Насти.

Кто-то пил, кто-то нет. Народ разбился на две группы. Одна засела на кухне, хлебала чай и пела песни, другая, опустошив многочисленные бутылки со спиртным, устроила кавардак в комнате, с дикими плясками, ором, дракой и прочими безобразиями. Под утро удалось кое-как вытолкать особо буйных. «Князь», а он присутствовал, причем в той группе, что веселилась в комнате, был фраппирован. Уходя, он заявил нам что-то в эдаком духе:

– Не понимаю, зачем все это?! – И удалился, с гордо поднятой головой, бледный от пьянства и бессонной ночи.

Да что «князь»? Промелькнул – и нет его. В жизни Насти все время что-то происходило. Она страстно увлекалась театром и участвовала в любительских спектаклях, снималась в кино, рисовала, посещала какие-то лекции, тренинги, курсы... и училась играть на саксофоне. Ей хотелось всего и сразу. Она пробовала писать статьи, стихи и прозу, а еще ей нравилось шить, она увлекалась психологией, историей костюма и дизайном интерьеров.

При таком разбросе интересов ей катастрофически не хватало времени. «Если бы в сутках было 48 часов!» – мечтала она. Пожалуй, 48 часов ей бы тоже не хватило.

Тем, кто попал в поле Настиного притяжения, приходилось ой как туго!

Не пытайтесь контролировать того, кого любите.

Одинокый Ворон

Он называл ее: «Ты мое лесное облачко...» Даже песню написал, естественно, Насте посвященную.

Прошу прощения, не запомнил слов. Он пел ее только тем летом, и только у костра на море.

Зато я запомнил общий смысл, и у меня до сих пор осталось от этой песни ощущение пронзительной нежности...

Там было как-то так:

Нет больше никого и ничего. Свет закрыт одним образом, одним именем. И весь мир живет и дышит этим, и он, Ворон, вместе со всем миром.

Так проходит детство, так приходит любовь – первая!

Это похоже на рождение птицы, на возникновение мелодии...

Нет мыслей, ни одной... Только теплая ладошка в твоей руке, только дыхание сонное рядом с твоей щекой, ночью, у костра, в одном спальнике. Только дорога рядом с твоей дорогой...

И уже она – женщина, рожденная быть дорогой, или птицей, или облаком...

Так уходит песня, так приходит светлая радость, так начинается новая жизнь... Какая она будет – неважно! Важно – здесь и сейчас!

А сейчас – только она: наваждение, сказка, музыка – она!

И мир замкнулся на ней, обошел кольцом и замер до дрожи, до боли... Она звенит в ушах и спирает дыхание... Хочется крикнуть! Или прошептать – «люблю», но не хватает воздуха. В легких огонь, пустота и свет... Откуда ты? Почему? За что?

* * *

Допекла-таки Настя Виктора. Первое время после своей отставки он еще пытался как-то неуклюже за ней ухаживать, но когда понял, что все, надоел, закрылся в себе, ушел в какую-то другую, никому не ведомую жизнь.

Он устроился в мебельную мастерскую и в ней же обитал, благо начальство смотрело на это сквозь пальцы.

Днем работал, ночью же снимал с петель двери, укладывал на пыльный пол, ложился, рюкзак под голову, и пытался забыться.

Он что-то делал: ходил, ел, спал; но как-то очень особенно, нерегулярно, что ли. Излюбленным местом отдыха у него стало метро. Он садился на кольцевой и только так, среди людей, мог отключиться на несколько часов.

Он иногда появлялся у своих друзей, разбросанных теперь по всему городу. Но и с ними он не находил успокоения, они не хотели страдать вместе с ним.

Настя устроила новогоднюю вечеринку. И, хотя не позвала его, он пришел вместе со всеми. И только там окончательно понял, она больше не видела его, не воспринимала. Вокруг нее были другие или другой, Виктор не вдавался в подробности, слишком больно. Слишком. И непонятно. Он просидел всю ночь на кухне, завернувшись в старый плед. Утром он с отчетливой ясностью осознал, что никакой Насти на самом деле нет и не было. Он ее выдумал. Она ему пригрезилась.

В конце января он уехал к матери в маленький провинциальный городок, где родился и вырос.

И вернулся только весной, почти прежним. Он перестал писать песни. Зато стал деятельным. Устроился на работу дворником, выбил себе служебную комнату и поступил в институт...

Все наши разочарования происходят оттого, что мир не соответствует нашим представлениям о нем.

И еще одна история с предложением руки и сердца...

А теперь давайте немного отвлечемся от темы, потому что я хочу рассказать о девушке, которая вернула Виктору веру в человечество.

Дело было так.

Санька Локтев уже успел развестись со своей первой женой, исключительно по идейным соображениям: она ему изменила, потому что он редко появлялся дома. Таким образом, Санька в одночасье стал абсолютно свободным человеком и окончательно перебрался в столицу. Ему подфартило с жильем – знакомый художник сдал свою мастерскую. Сам владелец с женой укатил в Землю обетованную, но от недвижимости пока не избавился. Собственно говоря, я всех подробностей просто не помню. Но, как бы там ни было, Санька оказался единственным хозяином этой самой мастерской – по сути, двухкомнатной квартиры в полуподвале, но со всеми удобствами. Правда, все это великолепие находилось в довольно глухом районе. Зато практически бесплатно. Естественно, добряк Санька тут же пригласил к себе всех, нуждающихся во вписке. Он-то надеялся, что сотоварищи по-честному оплатят свое проживание. На халяву у нас народ весьма падкий, и у Саньки желающих вписаться было – хоть отбавляй. Я его не раз предупреждал, но он то ли стеснялся своих приятелей, то ли считал меня чересчур меркантильным, одним словом, не послушал. И вскоре в знаменитых «Мневниках», как прозвали мастерскую ее гости и обитатели, образовалась разношерстная тусовка. Там же первое время после возвращения обрелся и Ворон.

Там он и познакомился с Машей.

К обитателям коммуны приходили гости, друзья, приятели, знакомые девушки. Юные студентки, домашние девочки, прибегали вдохнуть воздух свободы, попробовать богемного житья. Несомненно, богемный дух переполнял мастерскую, струился из всех щелей, аж стекла запотевали. Нет, ничего криминального там не происходило. И по большому счету ничего интересного тоже. Но первое впечатление тусовка производила, особенно на неокрепшие девичьи умы.

Машу в «Мневники» затащила подружка. Она с таким восторгом описывала коммуны и ее обитателей, что Маше стало ужасно интересно посмотреть своими глазами.

Она и пошла.

Потом Маша любила вспоминать то время, время зарождения ее первой и единственной любви.

Все, что случилось в тот вечер, помнилось ей очень странным, нереальным... даже метро, хотя ну что странного может быть в обычном московском метро? А вот поди же ты! Потом был троллейбус, идущий бесконечно, и блуждание по темным дворам. Как будто ее заманивали из родного города в некое зазеркалье, параллельный мир. Жутковато... Эта мысль не отпускала. Маша была не рада, что согласилась пойти: слишком уж все это непонятно, подозрительно даже.

Целью путешествия оказался подвал унылого пятиэтажного дома. «Может, уйти?» – но уйти было как-то неловко.

«Кроличья нора, – думала Маша, с замирающим сердцем спускаясь по ступенькам, – или пещера людоеда?»

Подруга долго жала на кнопку звонка. Наконец большая металлическая дверь с лязгом распахнулась.

И никакой кроличьей норы. За дверью помещалась мастерская художника, а то, что это, несомненно, мастерская, подтверждали этюдники, картины в подрамниках, бесчисленные полки по стенам, битком набитые красками, кистями, банками, флаконами, всякой всячиной, которой Маша не знала названия, но явно художественной всячиной.

Помимо художественной атрибутики мастерская была заполнена парнями в растянутых свитерах и такими же, им под стать, девушками. Маша растерялась. На нее никто не обращал внимания, все были чем-то заняты. Парень, который открыл им дверь, лишь бросил «привет» и сразу же растворился среди себе подобных.

Подруга потащила Машу за собой. Там кто-то играл на гитаре. Вокруг гитариста прямо на полу сидели девушки. Подруга тоже села по-турецки. Маша оглянулась и, заметив широкий, никем не занятый подоконник, уселась на него, сидела молча, натянув свитер на колени. А парень все пел... Наверное, хорошо пел, потому что все слушали, и Маша тоже.

Но, когда уходила, засмотрелась на красный спальник и Ворона, сидящего на нем, он болтал по телефону... Тогда-то все и началось? Возможно...

Потом был котенок, которого Маша принесла в «Мневники». Котенка она представила как приبلудного, на самом деле он был отпрыском ее кошки. Тогда девушка осталась ночевать. А на пол не хотелось, она легла на «его» диван, только ли потому, что не хотелось на пол? Он с дивана тоже не ушел... Нет, нет! До ноября их отношения были абсолютно невинны.

Ворон недолго прожил в «Мневниках», скоро переселился на Покровку, в старый купеческий особняк, где он, устроившись дворником, получил комнату в некогда купеческой же квартире, с огромной закопченной кухней и чудом сохранившейся русской печью.

Вот в этот особняк и повадилась приходить Маша. Ежедневно, забросив занятия в университете, забыв обо всем. Маша приходила, садилась на ступеньку «черной лестницы» (потому что вход в квартиру был со двора, парадная давно не использовалась) и ждала.

Иногда она сидела так часами. Ворон подолгу не возвращался. Кстати сказать, Виктор в это время мог быть где угодно, например, у нас в гостях или в тех же «Мневниках». Да мало ли где он мог находиться...

В один из таких вечеров, после долгого ожидания, Маша сделала Виктору предложение. Так что лирическое отступление получилось очень даже в тему.

В тот вечер его не было особенно долго. Маше ничего не оставалось, как тихонько ругать себя за унижение, за бесцельно проведенное время и за собственную глупость. Ради чего? Все ради того, чтобы просидеть с ним целый вечер на древней кухне, послушать его голос или ходить за ним по каким-то тусовочным квартирам, мыть чью-то грязную посуду, оставшуюся от прежних посетителей...

А он все не приходил.

– Да где его носит! Черт возьми! – вслух крикнула она и опять, вытянув шею, прислушивалась к звукам шагов во дворе. Ничего не услышав, снова погружалась в себя, в свои воспоминания.

Помнилась почему-то забытая у него роза, которую ей кто-то подарил... Кто? Неважно! Она терзала эту розу, ожидая его прихода, у памятника на Чистых прудах, а потом были какие-то люди, его друзья... И все в ее жизни теперь стало только его, а от себя ничего не осталось, только вот эти мысли, тоже о нем...

На редких лекциях, куда ее иногда заносило, Маша писала письма, адресованные ему. Письма, письма...

Она стала приходить то на Покровку, то в «Мневники»; в конце концов это постоянное желание видеть Ворона превратилось в манию, с которой девушка ничего не могла поделать. А он не приближал ее к себе, но и не отпускаял.

– Убери свои крючочки, – говорил он, когда Маша хотела его обнять.

Маша обижалась, убирала, но попыток не оставляла.

– Ты чего здесь сидишь?

Его голос вывел ее из состояния сомнамбулической задумчивости.

– Тебя жду.

– Давно?

Он остановился перед ней: длинный, холодный, одетый небрежно, как всегда, с неизменным рюкзаком за плечами и со снятыми наушниками плеера. Она заплакала, сжавшись в комок.

– Ну вот! – Ворон сел рядом и обнял ее за плечи.

– Я – дура?

– Конечно.

– Почему «Конечно»? – обиделась Маша.

– Опять к словам придираешься?

– Зачем я сюда хожу?

– Хватит, хватит... Пойдем наверх, что мы на лестнице разборки устроили.

Она поднялась вслед за ним, чтобы в очередной раз пройти пытку счастьем. Она знала, что снова будет жарить картошку, ругаться с ним, а потом греть ладони на его шее, смотреть, как он подолгу крутится перед зеркалом, собираясь куда-то...

– Возьми меня замуж! – вдруг попросила она.

– Для чего?

– Я хочу стирать твои носки, кормить тебя ужинами и рожать от тебя детей.

– Странные желания...

Когда человек занят только собой, он не видит никого и ничего вокруг.

* * *

Через год у них родилась дочь. Дети вообще очень странные существа, и пути их прихода в мир не всегда понятны и однозначны. Так случилось, малышка пришла и заслонила собой все другое, что было до нее.

К вопросу о свадьбах: Виктор и Маша буднично расписались в ближайшем ЗАГСе. Машина бабушка поселила молодых у себя.

Скинувшись, мы подарили им стиральную машинку.

Печеглядни и дворосмотрины, или Смотрины жениха

После завершения сватовства отец невесты или, если отца не было, старший брат, одним словом, кто-то из старших мужчин в семье навещался в дом жениха, чтоб проинспектировать хозяйство и оценить условия, в которых придется жить молодой жене.

Осматривали все: и избу, и надворные постройки – сараи, амбар, хлев, имеющуюся в наличии скотину и птицу, а также домашнюю утварь, посуду и прочее. Если осмотр удовлетворял родных невесты, то и гости, и хозяева обмывали это дело, если же нет, за стол не садились.

Хозяева не забывали расспросить о приданом невесты, о домотканых подарках от невесты родственникам жениха, постели, скатертях, полотенцах, белье, гардеробе невесты. Обычай обязывал невесту подарить каждому родственнику вышитое полотенце, а жениху – рубаху и кальсоны, свекрови – три рубахи, отрез материи и платок на голову.

* * *

Егора я встретил случайно, ехали в одном вагоне метро. Разговорились, оказалось, он не виделся с Настей с самого лета. И все расспрашивал меня, как мы живем, часто ли встречаемся. Я как-то бездумно предложил ему «заходи...». Он ухватился за это приглашение, тщательно записал адрес, телефон. Егор стал у нас частым гостем.

В один прекрасный день к нам заскочила Настя, увидев Егора, вдруг подобрела, умилилась и, уходя, прихватила его с собой.

До самой весны они у нас не появлялись.

* * *

Если сравнивать общественное, материальное и социальное положение семей Егора и Насти, то, как сказали бы в XIX веке, – это были семьи равного положения, или одного уровня. Москвичи, из бывших советских служащих. Вполне благополучные, можно сказать, средний класс. Обычный набор: квартира трёшка, машина, дача, престижная работа (как у отца Насти) или свой маленький бизнес (как у матери Егора).

Настины родители – люди весьма отстраненные, они старались устроить свою жизнь так, чтобы как можно меньше испытывать дискомфорта. Настина мама никогда не работала, а вела такую созерцательную жизнь. У отца была очень приличная должность в банке. У них был еще один ребенок – младший брат Насти, которого она нежно любила, а еще – многочисленные родственники во всех концах Москвы.

В семье Егора все держалось на матери – женщине, несомненно, властной, сильной и с чувством юмора. При нашей жизни, если не умеешь посмеяться над ситуацией, очень скоро сойдешь с ума. Мама Егора ко всему относилась с легкой долей насмешки: и к оторванности от реальности высоколобого мужа, погруженного в некую абстрактную науку, и к выходкам сына, с трудом получившего школьный аттестат и совершенно равнодушного к получению «верхнего» образования. Была еще и младшая дочь, требовавшая неусыпного родительского внимания, ибо входила в пресловутый подростковый возраст со всеми вытекающими... А еще бизнес – у мамы имелась небольшая фирма, торгующая семенами, кормившая всю семью, и тоже многочисленная родня, вполне, впрочем, благополучная.

Впервые увидев Настю, мама Егора лишь слегка приподняла брови и усмехнулась. Настя ответила ей тем же. Но изначальная напряженность не помешала мирному развитию их отно-

шений. Казалось, обе сразу все поняли друг о друге и не испытали никаких иллюзий. А значит, не было и разочарований.

Насчет сообразных по русской традиции вышитых рубаш с кальсонами и полотенце с платками и сарафанами – не думаю, что Настя могла осилить такой титанический труд. Хотя, конечно, было бы забавно увидеть Егора в вышитых кальсонах, а его маму в русском сарафане.

Воистину так – нет иллюзий, нет и разочарований.

С женихом разобрались. Теперь о невесте

А вот как на самом деле проходили смотрины невесты перед свадьбой. Вплоть до XVI века жених видел невесту только в день венчания. На смотрины отправлялась женщина, одетая доверием семьи жениха, либо мать жениха.

Классические смотрины выглядели примерно так: разряженную девушку выводили к смотрительнице. Та внимательно оглядывала невесту, задавала вопросы, просила пройтись, чтоб понять, не хромя ли девица, не горбатая ли... Следить нужно внимательно. А то разные случаи бывали. Сметливые родители могли запросто подсунуть на смотринах младшую сестру или смазливую служанку вместо засидевшейся в девках толстой и прыщавой старшей дочки. Глаз да глаз! А то обведут вокруг пальца чадолюбивые родители, смотрительница поверит, zalюбуется умненькой да пригожей девицей, вернувшись к жениховой родне распишет красоту и кроткий нрав невесты, там уши развесят, и ударят по рукам. Стало быть, свадьба состоится. И уж потом, после венчания, раскроется обман, когда жених с лица невесты покрывало откинет, увидит свою суженую и зальется горькими слезами.

Если семья жениха богатая, знатная, то мать могла потребовать, чтоб ей показали девушку в бане. И осматривала ее сама, со всем тщанием. И следила, чтоб не подменили.

Одна из бабок моей жены рассказывала, как выдавали замуж то ли ее тетку, то ли еще какую-то родственницу. «Уж такая она была страшная! До венчания ей личико-то фатой прикрыли, а после – кокошник надвинули на самые глаза! Так и сидела за столом в надвинутом кокошнике, чтоб гости и муж до времени не рассмотрели...»

Конечно, за обман и подмену существовало наказание. Родители жениха могли жаловаться властям, и те, в случае если вина была доказана, присуживали обманщикам битье кнутом, а брак признавался недействительным. Но чаще всего молодые оставались мужем и женой, а муж утешал себя тем, что периодически избивал нелюбимую жену, принуждал ее принять постриг, а то и убить мог. Конечно, убийство каралось законом, но ведь обижен же человек...

Со временем женихи сначала робко, а потом все громче и увереннее принялись протестовать против «покупки кота в мешке». Да и родители, помня о своих свадьбах и жалея чад, стали давать им все большую волю. На смотрины невесты приезжали всей семьей, не исключая и жениха. Молодые могли увидеть друг друга и даже поучаствовать в принятии окончательного решения.

Невеста, если ей активно не нравился жених, уходила в чулан и сбрасывала праздничный наряд. Так что, если родителям так уж сильно припекло выдать ее замуж именно за этого человека, то приходилось делать это в приказном порядке. «А я сказал, свадьбе быть!» – и бах кулаком по столу.

Жених тоже мог взбрыкнуть. Мамаша невесты подносила ему медовый напиток, если он выпивал все, значит, невеста ему приглянулась, если делал глоток и возвращал ковш, значит, невеста не произвела на него должного впечатления. И опять-таки последнее слово было за отцом жениха.

Силком женить или выдать замуж в те времена было скорее правилом, чем исключением.

В идеале папаши с мамашами любовались своими подросшими чадами, просили их пройтись парой, умиленно утирали глаза. Папаша жениха подходил к невесте и в знак особого расположения троекратно лобызал будущую сноху.

После чего все расслаблялись и садились за столы, чтоб пиром хмельным отметить состоявшуюся окончательную помолвку.

Царская невеста

Царям приходилось еще сложнее. С одной стороны, на царский двор стекалось множество лучших девиц государства, с другой – при таком богатстве выбора не сложно было и ошибиться.

При втором бракосочетании Алексея Михайловича Романова в доме А.С. Матвеева были собраны боярские и дворянские дочери, среди которых царь отобрал троих. Во время смотрин царь находился в потаенной комнате и глядел на девушек через окошко.

Доверенные женщины тщательно осмотрели отобранных девиц на предмет духовных и телесных достоинств, после чего порекомендовали царю Наталью Кирилловну Нарышкину.

Царскую невесту перевели во дворец, где она жила в совершенном отчуждении от царя вплоть до самого венчания. То есть за все это время царь Алексей Михайлович ни разу не увидел свою невесту.

Как мы помним, впоследствии у Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны родился царевич Петруша, будущий император всея Руси Петр I.

Это то, что касается истории государства Российского.

А теперь вернемся к нашим жениху и невесте.

Всепобеждающая страсть! Или еще один способ заставить девушку выйти за тебя замуж. (Повторять не рекомендую!)

Это случилось в середине марта, в один из тех солнечных, звонких, капельных дней, когда даже самые хмурые люди начинают улыбаться. Жена позвонила мне на работу и коротко сообщила: «Егор отравился!»

– Чем? В смысле зачем? – не понял я.

– Подробности не знаю, он в Склифе.

– А ты откуда...

– Мне Настя позвонила.

– Ну он хоть живой? – переспросил я.

– Живой... вроде... – не очень уверенно ответила жена. – К нему пока не пускают, мы договорились завтра пойти. Настя вечером у нас будет, расскажет.

Вечером к нам пришла не только Настя, но и Саня Локтев. Сидели, поглядывая друг на друга. Настя нервничала.

– Это подло... подло... – бормотала девушка. – Это шантаж!

Оказалось, Егор забросил учебу, сессию не сдавал, дни и ночи проводил у Насти, ходил за ней повсюду, встречал, провожал, и так она от него устала, что, не выдержав наконец, прогнала от себя. Уйти-то он ушел, но продолжал звонить.

– Это ужасно! – Настя нервно сжимала и разжимала пальцы. – Он все время ныл и жаловался: и в пед его мама засунула, а он никогда не хотел быть учителем, и задолбал его постоянный контроль, он хочет сам принимать решения, бла-бла-бла, но ничего, – заметьте! – ничего не делал! Только торчал все время на глазах и разглагольствовал. Я так от него устала! А теперь, выходит, я же и виновата? Да?

– Настя, успокойся, никто не собирается тебя винить... – неуверенно начала Аня.

– Да?! – вскинулась Настя. – Правда? А знаете, что сказала мне его мамочка?

– Нашла на кого обижаться...

– А я не обижаюсь! С чего бы это мне обижаться? Егор же не умер, он таблеток нагло-тался, а потом испугался и мамочке позвонил.

– Ну что ты городишь!

Настя отмахнулась:

– Ох, ребята, я и сама не знаю... Конечно, я виновата... Мы в ответе за тех, кого приручили, так, кажется? Вы ведь тоже так думаете? Да?

Мы с Аней синхронно покачали головами.

– Нет.

– Он еще и записку оставил, – вспомнила Настя и усмехнулась. – Мол, просит никого не винить, представляете! Господи! Что теперь будет-то?! Если все обойдется, то все равно на учет в Кашенко...

– Насть, давай ты не будешь гнать волну раньше времени, – мягко попросил я.

– Все равно, – обреченно произнесла она.

– Завтра мы все вместе ходим к Егору, – пообещала Аня. – Все узнаем, даст бог, все обойдется... – Она еще что-то ворковала успокаивающее. А я думал. Разумеется, эта попытка самоубийства – чистой воды шантаж. Егор не справился с собой и своими чувствами и решился на такой неприятный трюк. Он надеялся привлечь к себе внимание или рассчитывал на то, что Настя сжалится и станет для него второй мамой.

Я потом говорил с ним на эту тему. Конечно, ни о какой смерти Егор не думал, Настя прогнала – обиделся. Дома за несданную сессию пият, в институте пият... Куда ни кинь, везде клин. И подумал, а напьюсь-ка я таблеток... что будет потом, он не представлял. А когда хлопнул горсть, вдруг дошло, что вот прямо сейчас он перестанет быть! Эта мысль оказалась так ужасна, что Егор, дрожа от страха и плача, набрал номер матери.

Мать примчалась вместе со «Скорой». Егора молниеносно отвезли в Склиф, а там быстро привели в чувство.

Мы были у него на следующий день. Он смог спуститься к нам. Ему было стыдно. Он все время отводил глаза, хотя никто его не упрекал. Настя вообще молчала. А мы поговорили о чем-то нейтральном: весна, солнце, птички, скоро на море поедem, и все такое... Пожелали скорее выздороветь.

Когда вышли во двор, подняли головы и стали смотреть в окна на третьем этаже. Садилось солнце, и стекла горели огнем, до слез в глазах. Я тогда взмолился про себя: «Слава богу! Слава богу, Егор жив!» Вдруг представилось, каково нам всем было бы, если бы он умер... Скоро Егора выписали. Он приходил к каждому из нас и просил прощения.

Но! Самое главное, своего парень добился.

Как ни ругалась на него Настя, все же его поступок произвел на нее сильное впечатление. Ее романтическая натура против такой любви не устояла.

Как раз окончился Великий пост, Настя повела Егора в церковь, они отстояли праздничную службу. Исповедались, причастились. Насте тогда казалось, что каждый ее шаг исполнен глубокого смысла. На Пасхальной седмице они зачали ребенка. Настю поразила эта беременность, первая в ее жизни. Свадьба была назначена на август.

Сильная страсть, как взрыв, – мгновение, и нет ее.

Сговор, обручение и запой

После смотрин обыкновенно назначался день сговора (в Европе – помолвки). Родители и родственники жениха являлись в дом невесты, где их принимали с особыми почестями, сажали на почетные места, в красный угол.

Сговор считался очень важным событием. После него отказаться от свадьбы было уже немыслимо. Во время сговора принимались окончательные решения по всем связанным со свадьбой вопросам, родственники с обеих сторон старались уладить все даже самые мелкие разногласия, окончательно подводилась черта в составлении рядной записи (брачного договора). После чего сваты – отцы жениха и невесты – били друг друга рука об руку, обменивались крепким рукопожатием, одаривали друг друга пирогами и приговаривали: «Будь ты мне сват да нова родня».

Приводили жениха и невесту, молодые при всех троекратно целовались и обменивались кольцами. После обручения будущих супругов уводили, а родня устраивала «запой» или «пропой», как ни назови, а суть одна – сделали дело, надо обмыть.

Во время запоя к гостям по очереди выводили невесту и жениха, те одаривали собравшихся, подносили вино. Гости, в свою очередь, дарили молодым деньги. За общий стол жениха и невесту не сажали, кормили отдельно.

После сговора невеста нарекалась «сговоренкой» и «пропитой-залитой». До самого венчания она почти не выходила из дома, освобождалась от всех домашних работ, в ее обязанности теперь входило только приданое да подготовка к свадьбе. Правильная невеста все время причитала да плакала, слезно обращаясь к родителям, чтоб те не отдавали ее чужим людям. В избе постоянно собирались ее подруги и родственницы, они помогали невесте подготовить приданое: пряли, ткали, шили, вышивали. Работы было много. Ежели ты крестьянская девушка, то венчалное платье должна сама себе сшить, и не только себе, а еще и будущему муженьку. Не говоря уже о подарках многочисленной родне: вышитые полотенца, платки, рубахи, сарафаны и прочее. Перед свадьбой надо было тщательно осмотреть приданое, выяснить, нет ли в чем недостатка, и немедленно пополнить.

Ох, забот – полон рот! А угостить подруг сладкой молочной кашей! А попить, сидя на пороге и держась за дверную скобу? А попрощаться с вольной волюшкой да девичьей косой, а пропеть все жалостные песни прощальные?

А ежели ты сиротка? Кто благословит на честной брак? Только священник! Невеста-сирота обязательно заказывала панихиду по покойным родителям и просила благословения у священника. В сопровождении крестной матери обязательно посещала родительские могилки.

Обрученный жених дома не сидел. Каждый выходной он навещался в дом невесты с подарками, такие визиты назывались «побывашками с гостинцами» или «поездками на поцелуи». Мать жениха также навещала будущую невестку и привозила ей собственноручно приготовленные лакомства (блины, колобки, вареные яйца). Мать невесты тоже постоянно прикармливала жениха. Вообще этот обычай – побаловать жениха и невесту – существовал повсеместно, да и сейчас, по-моему, в нормальных семьях современные мамочки не упустят возможности подкормить своих взрослых чад. Потребность у них такая, наверно, на генетическом уровне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.